

Александр Барсуков

Родился на Сахалине, рос на Кубани, вырослел в Петербурге. С 1994 года живу в Гельзенкирхене, в 2000-м возглавил здесь вновь созданные ЛИТО и издательство EditaGelsen. За прошедшие более 20 лет издательство выпустило свыше тысячи наименований книг, а в его периодике (журналы «Эдита», «Мастерская», «Без цензуры», альманах «Век XXI» и др.) напечаталось около тысячи русскоязычных авторов со всего мира, в первую очередь из России и стран постсоветского пространства.

Главный редактор издательства EditaGelsen и литературного альманаха «ЭДИТА», г. Гельзенкирхен, Германия. Начиная с текущего года большеформатный журнал «Эдита» преобразован в одноимённый аль-

манах такого же объёма (18 авт. листов), выходящий по мере накопления авторского материала с интервалом примерно в две недели. Доля российских авторов в нём составляет 95–97 %. Записывать свои впечатления от поездок по Союзу впервые начал в 1986-м, публиковался в периодике России, включая «Литературную газету», в Германии, США и Канаде. Автор пяти книг прозы, трёх книг публицистики, а также ряда краеведческих и исторических изданий на немецком языке. Предлагаю читателям литературно-публицистического журнала «Берега» социально-сатирическую повесть «Мойма по-тевтонски».

МОЙМА ПО-ТЕВТОНСКИ, ИЛИ ГРУСТНАЯ ПОВЕСТЬ

Опубликована в сокращённом варианте

1. Мойма

Ученица сидела напротив меня за столом в кухне, немного распаренная по летнему времени, с малиновыми пятнами на щеках, выдающими будущую склонность к гипертонии, и отпивала по глоточку из принесённой с собой из машины пластиковой бутылки с минералкой.

Крупная, как теvтонская кобылка, ученица в неполные сорок была вся в своём женском соку и излучала напористость и благополучие. Даже диковатое имя Гудрун шло ей отменно, имя, которое я в рассказах немногим знакомым-приятелям раз от разу переименовывал то в «Гудвин», то в «Гудрон», вызывая у них справедливые упрёки в злословии. «Она же деньги платит! – сердились знакомые. – А ты ее “гудроном”... Нельзя так...» – «Вот именно», – думал я про себя, а сам тоже сердился – непонятно почему и на что.

Ничего утешительного или внятного в Интернете про это имя я не нашёл: «гунт» означало битву, борьбу, а «рун» – тайну; соединять их можно было как угодно. Да и «гунт» не вполне «гуд», как ни старайся притянуть их друг к другу за уши. «Опять мутят британские учёные», – решил я, помню, тогда и навсегда оставил попытки разобраться с гудрунской этимологией.

От рано умершего отца ученице достался немалый кусок земли. Мать, как коротко упомянула Гудрун, была нездоровая, недееспособна насчёт головы, и в наследственном дележе поэтому не участвовала, а на отцовских гектарах издавна, уже поколений десять, выращивали коней местной породы – «эмшерскую толстоголовую», если переводить буквально. На деле голова у этих лошадок просто крупная, а не толстая, они очень выносливы и хорошо приручаются – притом даже, что кое-где до сих пор встречаются в диком виде, как в своё время мустанги. Окрас у эмшеров пегий с чёрной мордой и чёрными гривой и ногами, похоже на кошек-сиамцев – ну, только в образе лошади. По реестру пород «толстоголовых» называют теперь «дюльменский конь», охраняемый вид, так что Гудрун нашла себе золотую жилу, и кобылкой я зову её, скорее, поэтому...

Ни детей, ни кого-то любимого бог Гудрун не дал, всё это у неё не сложилось, да и говорили мы с ней о личном всего-то минут пять или десять; открывать душу здесь не принято, лезть в неё тоже – по словам хозяйки поместья выходило, что всё своё время она проводит в конюшнях, или на пастбище, или в манеже для выездки лошадей, вырываясь с усадьбы разве что за продуктами, за чем-нибудь вкусненьким, или вот ко мне – на кухню, на занятия русским. «Ну и ещё иногда в сексшоп», – добавила она тогда с невинной ухмылкой имбецила и уставилась на что-то в окно. С моего второго этажа видны крыша соседской одноэтажной дворовой постройки, несколько трёх- и четырёх-этажных домиков в отдалении да с полдюжины неизменных здесь тополей и ясеней – ничего такого, на чём стоило бы задержать взгляд.

– Продолжим... – сказал я, чтобы вывести её из раздумий о сексшоповских игрушках.

Теоретических разговоров про «великий и могучий» я с немцами не завожу. Великими, по местным понятиям, могут быть только сами немцы – этого здесь никто не скрывает. А во-вторых – ну что говорить? – у них начиная с самого Гёте в стихах сплошь глагольные рифмы, вроде «гевэзен-генэзен» – то, что у нас справедливо полагается признаком низкой языковой культуры. Русский для местных – это речь варваров, несмотря на Толстого и Достоевского, весьма ими ценимых, и о величии нашего варварского наречия говорить можно разве что с русистами в соседнем университете, да и те оказываются многим недовольны и, чуть только разговор становится интимнее, принимают жаловаться на «неправильности» русской грамматики и выговора. На должностях, требующих знания русского, здесь сидят поэтому русские по крови филологини, вышедшие замуж за немцев. Всех это вполне устраивает: неродной немецкий не позволяет дамам слишком вдаваться в детали и местным не приходится перегружать богатством русских языковых нюансов свои упорядоченные узкоколейные мозги.

Зато вот у немцев выговор... Недавно заметил, что не разбираю в отечественных сериалах половины слов, какая-то каша у всех во рту: или торопятся, или ещё что-то... У немцев не так. Покажешь учащейся в книжке «молоко» – и она его в точности так и прочитает: мо-лэ-ко, с мягким немецким «ль». Постепенно и сам приучаешься говорить чётко и вдумчиво.

Ну или ещё... собака, рыба и вилка, к примеру, у них мужского рода: «собака пошёл гулять с хозяином», «рыба опустился на дно аквариума» – то есть учить это реально чокнешься, вынос мозга. Или же есть некие особые города – не все, слава Природе, – у которых надо проглатывать гласную букву в конце, если строишь от них прилагательное: по-немецки правильно «мюнхнский» вместо «мюнхенский». То же с Базелем и Цюрихом: Zürcher вместо Züricher – «цюрхский». «Немецкий язык сложный, да?» – щурятся местные, ожидая похвалы своим достоинствам. «Ничего, пойдёт...» – отвечаю я на это грубо.

– Так-так... – проговорил я ободряюще, когда Гудрун закончила пересказывать мне содержание предыдущего урока. – А теперь читаем... И будем разбирать построфно, что мы поняли из текста, а что нет...

«Построфно» я сказал по-немецки, то есть «штрофенвайзе», Гудрун тут же поняла задание и раскрыла учебную книжку на закладке.

– «Ты, тсарэвитш, – начала она, слегка нахмурившись от усердия, – ...мой спаситель, моймагутший избавитель. Не тужи, тшто за меня... – Она подняла глаза, ожидая реакции. – Ест не будешь ты тры днья».

– Стоп-стоп... – забеспокоился я. – Что это там ещё за Мойма?

– Вас фюр¹ Мойма?

– Шлойма...

– Ваас-с? – воззрилась на меня ученица и потянулась к бутылочке с минералкой.

Еврейские примочки у нас тут в большом ходу, поскольку русских в Германии совсем немного: сперва немцы принимали евреев как беженцев от госантисемитизма, а потом российских немцев – типа воссоединения народа, – и русские шли к ним прицепом, как мужья или жёны. У этнических немцев из Казахстана и Сибири они теперь тянутся к немецкому, чтобы не отставать от родственников, а в еврейских семьях ходят за компанию в синагогу на «весёлый праздник Пурим» уплетать там за обе щеки винегрет с селёдкой и гоменташа, или «уши Амана», визиря Артаксеркса, у которого, как известно из источников, было больше трёхсот наложниц и около двухсот детей. Приплода от трёх сотен красавиц вышло, на мой взгляд, как-то немного, но дело тут, вероятно, в фертильности – так я это понимаю.

– Стол белый! – решаю я переключить доминанту. – Повторяем...

¹ Что за Мойма?

– Стол бьелы... – повторяет Гудрун.
– Лампа белая, – не унимаюсь я. – Следим за окончаниями!.. Молоко белое!
– Я устала... Ихь бин мюдэ...
– Хорошо, – соглашаюсь я... и прибавляю вполголоса, скорее на автопилоте, по давней гусарской привычке: – Тогда эротический массаж?..

Гудрун не понимает тихую беглую речь, но тут же настораживается:

– Вас-с¹?

– Ист никс. Зэльбстгешпрэхе. Руэн зи зихь аус²...

Хозяйка поместья учит русский, чтобы держать под контролем своего работника, казахстанского немца-переселенца, который не только ходит за лошадьми на ферме, но и сопровождает патронессу в её деловых поездках. Она уже дважды была в Астане и за реально хорошие деньги продала там с полсотни своих лошадей на племя, существенно укрепив этим бюджет предприятия.

– Я знаю, что это некрасиво... – рассказала она, когда я на первом занятии расспрашивал её о мотивации, – но мне кажется, что Вальдемар переводит не всё... Или как-то искажает.

– Такое возможно... – согласился я. – По разным причинам.

– Я не сказала ему, что начала заниматься. Я просто хочу знать...

Про себя я потёр руки: потребуется не меньше трёх лет занятий раз в неделю, как это происходит у нас, чтобы научиться понимать полунамёки вполголоса, которыми, очевидно, обменивается при шепоте с казахскими деловыми партнёрами её Вальдемар. Ученица с сильной мотивацией – это всегда хорошо, это верный заработок...

– Вы много общаетесь с Вальдемаром? – спросил я тогда Гудрун максимально бесцветным голосом.

– Меньше, чем мне хотелось бы, – без обиняков отвечала она. – Вова женат и у него трое детей, прелестные малышки. На ферме я практически одна.

Я ещё раз внимательно оглядел свою ученицу. Пожить на природе, среди лошадок – возможно, это был бы неплохой вариант провести лето... Но нет... она совершенно не в моём вкусе, да и занятия наши следует держать в тайне от Вальдемара, что, живи я на ранчо, едва ли будет возможно.

Вообще я заметил, что в контактах с людьми ищущее эстетическое – какую-то особую линию скулы или бедра, как у Люськи, и если этого нет, то мне неинтересно. Ну вот статуи в Летнем саду, мифические дамы, Киприда, Цирцея и кто там ещё... – спору нет, в их линиях тоже присутствует грация, стереотипные «вечные ценности»... – но меня они никак не вставляют, не «секси», как это говорит-ся – с моей, понятное дело, точки зрения.

Так же и с Гудрун. Она, наверно, хорошая, и самобытная, и мужественная... на удивление вкусно пахнет, несмотря на свои специфические занятия, и гимназию она, если не врёт, окончила очень неплохо... – могла бы потом поучиться три годика и стать директором филиала какого-нибудь дискаунта, типа «Плюса» или «Лидла», но нет: бьётся с «толстоголовыми», да ещё и навязывает их казахским партнёрам. Но всё это не вызывает у меня ни грамма симпатии. Помню, Маша, моя «бывшая», продержавшаяся целых два года, однажды, уже ближе к концу, наконец сформулировала, что у нас с ней происходит... «Ты создаёшь ощущение... – задумчиво произнесла она, – ...ощущение, что ты есть... А на самом деле тебя нет. Ты не здесь, не со мной. Ты всегда где-то в своём мире».

Это метко. Бывает, что пошевеливаемые ветерком листья за окном интереснее ненужного разговора утром за кухонным столом...

Но и другое бывает: восхищение, замиранье сердца, Begeisterung, как говорят немцы, то есть воодушевление, или лучше – «одухотворение». Для этого достаточно порой изящной линии скулы.

И вот, кстати, Люська с её бёдрами... Наши ежевечерние беседы по телефону продолжались, наверно, два десятилетия – вот как держат бёдра!.. Дамы менялись, Люська оставалась на месте... как Монблан, только изящнее. «И тут я стала валиться в обморок, – рассказывала она о каком-то эпизоде на автобусной остановке. – ...Ты знаешь... как настоящая леди... как-то сперва набок». Это был высокий стиль, мои сменявшие друг друга дамы были совершенно схожи в одном: в своей неугасимой ненависти к Люське, к самому факту её существования.

А потом она всё испортила: вдруг отчего-то разоткровенничалась и разболтала, что ездила ко мне тогда не из горячей привязанности, а чтобы отомстить погуливающему от неё мужу. «Ну... и из при-

¹ Что?

² Пустяки. Сам с собой. Отдыхайте...

вязанности тоже, конечно», – тут же поправились она. Но настроение у меня упало, я тут же нахамил ей что-то, и мы повесили трубки – как оказалось, надолго.

О чём это говорит? О том, что контакт держался многие годы моей толерантностью, моим интересом к её бедрам, доступа к которым, кстати, после её второго замужества у меня практически не было. И как только она проявила себя низким, лапидарным прагматиком, показала, так сказать, своё истинное лицо, – так тут же всё и кончилось, и бёдра оказались не очень-то и нужны. Вот такая сложная штука жизнь...

Трения, конечно, у нас возникали и ранее – как же без этого? Люська, помню, от соседства сделала вдруг знатоком кино, артхауса – писала за деньги рецензии на сайт какого-то знакомого, и финансовая компонента вселяла в неё уверенность в собственных силах. В это же время Поляков внезапно напечатал в «Литературной газете» один мой ерундовый рассказик, я возомнил себя писателем, сделался резок в суждениях и как-то при случае не удержался с оценкой Люськиных киноподвигов.

– Послала бы ссылочку... – попросил я ядовито. – Взгляну хоть, что ты такое там пишешь.

– Нет уж! – не согласилась Люська. – Знаем мы твой поганый язык: тут же раскритикуешь всё и испортишь мне жизнь. Платят деньги – и ладно...

– Он просто хочет тебя трахнуть, – предположил я. – А сам на деле мамин сын и мечтает прилипнуть к тебе как к мамочке.

– А ты?... – захлебнулась Люська. – Сколько можно топить про мои бёдра?! Что ты нашёл в них такого?! Это, между прочим, просто мои ноги, а не что-нибудь там... И вообще... – Она перевела дух: – Почему ты всегда говоришь «голокоост» вместо «холокоост»?

Люська, надо сказать, не только круглая еврейка, но и упорная сионистка, в теории, конечно, на Ближнем Востоке ей было бы слишком жарко. Кумир у неё Троцкий, о нём она действительно знает всё, как поэт Цветаева об «Орлёнке» Ростана.

– Пока «голография» относится к нормам языка, холокоост будет у меня голокоостом, – возразил я тогда грубо. – В лексике должен царить порядок. И единообразие...

– Чуть какая! – пролаяла в ответ Люська. – И не вздумай что-нибудь написать про меня в своих хрониках... Тоже мне, легендарный сказитель... Закореней Чукотский... или где ты там родился?

– На Сахалине, милочка... – лучезарно улыбаясь, возразил я. – Это за три звезды от Чукотки – как и вашей Москве до Питера...

Я действительно родился на Сахалине, в Питер меня привезли младенцем.

Люська, понятно, тут же повесила трубку.

У местных «русских» у всех русское телевидение. Мне странно поэтому, откуда в речи у наших возникают эти диковатые обороты, вроде «она пользуется жидкое мыло», «его попустило» или «у неё искривлён позвонок». В здешней еврейской общине рулят попеременно то Одесса, то Днепропетровск, то Житомир – может, оттуда и этот маргинальный словарь. Москва и Питер держатся здесь особняком, жидкое мыло не «пользуют», близко к себе не подпускают, да и селились они из лагеря любой ценой всё по крупным городам: Гамбург, Кёльн, Дюссельдорф, Берлин наконец, этот нищий и хамоватый человеческий муравейник с амбициями мегаполиса и тремя с половиной миллионами населения, что после Москвы и даже Питера реально смешно – курам на смех, и те не смеются. Теперь, после трёх пятилеток Меркель, кто-то из бывших жителей столиц, возможно, и жалеет, что не попросился тогда в какую-нибудь деревушку, настолько задрали всех новые меркельские переселенцы, – но поздно: устраиваться тут, на чужбине, непросто, и если ты двадцать лет живёшь в Кёльне, то перебраться на равные кондиции в тот же Гамбург практически невозможно, придётся всё начинать почти что с нуля.

Без телевизора тут можно чокнуться, особенно в выходные и праздники, когда всех местных как будто начисто вырубает из жизни. Сейчас у меня уже другая квартира, с лифтом, в многоэтажке, и окна мои смотрят на длинный шестиэтажный дом, больше сотни окон напротив. Я здесь уже третий год – и ни разу не видел в окнах ничего интересного; в девять-десять вечера свет в доме напротив гаснет – и воцаряется тишина: ни пьяных, ни распахнутых настёж чужих жизней, ни даже транспорта: бюргеры отдыхают, *stilles Glück, trautes Heim* – «тихое счастье надёжного дома» по-местному. Или, если одним словом: *Freudlosigkeit*, «безрадостность», главное жизненное ощущение немца – по выражению Хайнца Штрукка, нервного и острого здешнего писателя, большие романы которого я который год пытаюсь продвинуть на российский книжный рынок. Ни он сам, ни здешний его издатель, конечно, не против – но вот Россия... Кому охота узнать, что немцам живётся плохо – реально скучно и плохо, несмотря на все уверения прессы в обратном?

А может быть, дело в особой погоде. Философ Ницше, как известно, потратил полжизни, чтобы найти себе сносное место жительства вне пределов Германии. Тут и вправду бывают такие фазы безвременья, когда либо неделями льёт без конца нудный несильный дождик, либо же жарит солнце, воздух буквально душит озоном, а граждане, как один, имеют на лицах выражение растерянности и непокоя. Автоводители сталкиваются друг с другом на перекрёстках без малейшего повода и нужды и, дожидаясь полиции, тоже стоят потом у своих помятых машин с потерянными и отсутствующими лицами. Что-то тут не так, на этих тевтонских просторах: сайт биопогоды чуть ли не ежедневно пророчит катаклизмы астматикам, ревматикам и сердечникам, не говоря уже о людях с лабильной психикой, и даже магнитные бури случаются в Бундесе по особому графику, не известному главным магнитологам на планете, сидящим в Боулдере, штат Колорадо. Впрочем, в этом Германия схожа с Россией – там, я заметил, магнитосфера тоже бывает беспокойна локально, как бы тайком ото всего остального мира...

Если под окнами что-то и случается – то непременно ужасное... Вот в прошлом году прямо на проезжей дороге между домами зарезали цыгана: их тут полно – правительство ввозит их из Болгарии и Румынии, вежливо называет «рома» и «синти», а затем интегрирует. Зарезанный цыган долго и страшно орал, лежа на асфальте, пока не умер или не вырубился. А этим летом уже в сумерках показившейся под уклон во двор машиной придавило к решётчатому забору старушку, и она тоже вопила долго, тоненьким голосом, без конца повторяя: «Ich will hier raus! Ich will hier raus!..»¹. Не самый, по моему, адекватный текст, когда полторы тонны дурного веса расплющивают тебе о позвоночник твой печень и селезёнку. «Hilfe! Hilfe!» – громко и жалобно вторил ей горе-водитель – и отлучившийся-то от машины всего на секунду: открыть ворота во двор – но не затянувший как следует ручной тормоз... и теперь... – теперь, очевидно, тюрьма. Почему он не влез в машину обратно и просто не сдал назад – не знаю в деталях. Было темно, и старушку долго спасали прямо на земле у злополучной машины – видимо, её здорово придавило, раз спасатели не решались поднять пострадавшую и перенести её в стоящую в двух шагах «скорую». Вообще с возрастом я замечаю, что как-то устал от впечатлений. «Чего вот сидишь? – говорят мне некоторые доброхоты. – Поехал бы хоть на Канары...» – «С чего б это вдруг?» – удивляюсь я. «Интересно...» – не сдаются они.

А мне не интересно... вот совершенно не интересно...

Гудрун читает дальше, я вполуха слушаю. Она начинающая, поэтому я больше помалкиваю: назойливые поправки только раздражают ученика, рушат его мотивацию. Пусть пока набирает лексику – я в это время думаю о своём.

2. В туманном прошлом

Когда моя жена умерла, мы оба были ещё подростками, нам едва стукнуло по восемнадцать. Мы познакомились в первом классе и, мне кажется, так и продержали друг друга за руки все десять лет школы.

Наши родители почти безвылазно пропадали по службе в Дамаске, отцы в войсках, матери – медсёстрами... а мы с ней ночевали то у меня, то у неё, и наши воспитанные бабушки по очереди делали вид, что ничего не замечают. Мы, конечно, предохранялись, а когда обоим исполнилось по восемнадцать, подали заявление в ЗАГС.

Через две недели нас расписали. Ни родителям, ни бабушкам мы не сказали ни слова, так что внешне ничего как бы не изменилось: Ксения ходила на подготовительный в университет, а я уже сдал экзамены в один особенный вуз, который здесь не следует упоминать – в перестройку он со скандалом и треском закрылся, да и поучиться в нём мне почти не удалось, поскольку... поскольку у Ксении вдруг оторвался незнамо откуда взявшийся тромб и она умерла прямо в метро, на эскалаторе – и хорошо что на подъёме: на спуске возле упавшей девушки наверняка возникла бы давка и наша вздорная публика с перепугу её, пожалуй, бы затоптала...

Не буду рассказывать, где я тогда достал денег – ничего хорошего... Но в Питере оставаться больше не было никакой возможности: Ксения тут и там мерещилась мне на вечерних улицах, в полумраке подворотен, и я чувствовал, что нахожусь на грани психоза, как это, наверное, называется.

Самым трудным было выбраться из тайника, из всего этого переплетения труб и кабелей между крышей вагона и потолком купе, где мне пришлось провести почти двое суток. Происходило это,

¹ Буквально: «Я желаю отсюда выбраться».

понятно, уже в Бундесе, и мне следовало поторапливаться, поскольку железнодорожная полиция тут тоже не спит: она бодрствует и, по крайней мере, *pro forma* досматривает вагоны в депо. Кстати, туристская виза в Германию у меня вообще-то была, но я почему-то решил тогда исчезнуть из старой жизни, а в новой появиться... ну, когда захочу. Психозу ведь не прикажешь – тогда мне казалось, что я действую логично, и это вселяло уверенность.

Вообще, что касается тромбов... у нас тут была одна дама из Жмеринки, весьма симпатичная – и вдруг у неё сделался рак крови. Дама приехала в Германию одиночкой, с сыном, долго и много им занималась, работала как проклятая, они быстро получили гражданство, сын вырос, окончил школу и пошёл служить в Бундесвер – каким-то солдатиком, не знаю подробностей, – а у дамы как раз в это время случился рак.

Из армии не возьмёшь отпуск, если тебе его не дают, тем более что три дня побывки ему всё-таки разрешили, и дама, которая от болезни горела как в огне, выписала себе по гостевой папу из Жмеринки, своего бывшего мужа, тоже весьма симпатичного дядьку, когда-то подло её оставившего вместе с младенцем – и он возил теперь даму и на химию, и на облучение, и на переливания крови... – пока у неё от всего этого не стали образовываться тромбы и наконец не отнялась левая нога. «Ага... – сказали врачи. – Ну... тут медицина бессильна. Отправляйтесь теперь домой и, так сказать, ждите гостью с косой. И попросите себе в социальной службе сопровождение – конец будет весьма мучительным».

Сопровождение у дамы уже было – то есть этот самый её бывший муж, весьма симпатичный – и они вместе стали ожидать отхода поезда, как это говорится: муж готовил даме вкусняшки, кормил с ложечки, мыл в каком-то особом корытце и лишь изредка позволял себе звоночек на родину, в Житомир, где его ждала-поджидала разлучница, дама, по слухам, ещё более симпатичная, чем наша, и к тому же почти на три года моложе, что, безусловно, не шутка в сравнительном рейтинге. На время звонка муж запирался от нашей дамы в уборной, и она почти ничего не слышала, разве что некие интонации, что-то вроде курлыканья.

Когда у дамы отнялась к тому же ещё и рука вместе с половиной лица, наша страдальца решила, что время отправления настало. Она попросила бывшего милого развести ей добрую порцию жидкого шоколада и растворить в нём все имеющиеся в доме таблетки, включая маркумар и клопидогрель, назначенный разжижать кровь и в больших дозах действующий подобно крысиному яду.

Поскольку сохранившей подвижность половиной лица дама при этом непрерывно и безутешно рыдала, бывший муж из Жмеринки не смог отказать ей в услуге и сделал всё, как она просила. Кто же знал, что окажется в письме, которое она днём раньше попросила его бросить в почтовый ящик, сказав, что там внутри её завещание и прочие деловые распоряжения перед уходом...

Письмо было адресовано адвокату, и в нём действительно было завещание, но ещё в нём сообщалось о намерении бывшего мужа поскорее умерить её посредством отравления лекарствами и о жестоком его с ней обращении, о насилии, об отобранном якобы телефоне и прочем в таком же духе.

Адвокат, распечатав письмо, тут же позвонил в полицию. Те заявили не днём, а в половине пятого утра, как это здесь принято, чтобы застать злодея с поличным, и обнаружили нашу даму в постели уже довольно холодной. Мужа её скрутили и скоренько припаяли ему двенадцать лет, квалифицировав историю как убийство по неосторожности с отягчающими обстоятельствами – на допросах обвиняемый клялся, что действовал строго по указаниям бывшей супруги. Но вскоре из Жмеринки им пришёл ответ на запрос о прошлых отношениях супругов, и отягчающие заменили смягчающими, предположив мотивом к письму банальную месть. Так что сидеть теперь нашему герою осталось всего четыре с половиной года, и новая пассия в Жмеринке его, возможно, дождётся... Вот такая история с тромбами...

Недолгое время, помню, ко мне на мастер-класс по языку ходили две жившие в соседнем городке итальянки с Сардинии – Лючия и Сандра. Обе окончили у себя на острове филологический, обе с полгода обретались потом на стажировке в Москве, так что русский их был довольно неплох... хотя порой и случались курьёзы.

...Мы возвращались тогда вместе с турфестиваля, проходившего в уютном местечке Эш-сюр-Сюр в Люксембурге, кассетник в машине крутил «Любэ» – и вот парой часов позднее, когда я высаживал их возле их дома, Сандра спросила меня:

– Послушай... пока не забыла... а что такое... таразвонка?..

Все мы тогда хорошо и по-доброму посмеялись: таразвонкой оказался фрагмент расторгнутой фразы «играй, гитара звонкая» – как и «мойма» у моей теперешней Гудрун.

А в общем, жизнь трудна – особенно если ты филолог или лингвист. Сандра теперь со своим белым русским какой-то большой босс по сбыту косметики, живёт и работает в Дюссельдорфе... и мне кажется, что у нас с ней что-то такое было тогда... но... мы оба не помним – ни я, ни она, я специально её расспрашивал. А Лючия погибла: свернула себе шею – это в буквальном смысле, – неудачно сверзилась с третьего этажа, лезла по балконным перилам взглянуть в окошко любимому, жившему в соседнем подъезде: не изменяет ли он ей с ещё какой-нибудь соседкой. Хотя всей правды, наверное, никто и не знает. У нас ведь здесь врут все и каждый. Может, с Лючией всё было не так или не совсем так. Человек в эмиграции оторван от родной почвы и одинок: мамы и бабушки, если их удалось привезти с собой, неосведомлены и беспомощны, друзья-приятели все сплошь новые, ничем таким жизненным не проверенные – и вот человек без конца озирается: типа, ладится ли у него на чужбине, не обошли ли проклятые конкуренты-соотечественники. И как результат этого постоянного сравнения своих достижений с чужими – зависть, тревога, злословие и ложь. Непокойно взрослому человеку за границей. Зато дети, здесь родившиеся или же привезённые малолетними, – те осваиваются хорошо. Действительность тут несложная, примитивная, да к тому же повсюду психологи, всякие консультанты, и если владеешь немецким с младых ногтей – то выжить, в общем, несложно: звёзд с неба скорее всего не будет, но, если стараться и не умничать, жизнь в конце концов получится сытая и спокойная.

Парковка у нас тут за домом, а прямо перед подъездом – остановка автобуса: на нашей стороне и на противоположной. Улица неширокая и полупустая, старушки с лиловыми буклями и «перманентом» охотно переговариваются через проезжую часть со знакомыми.

– Айнен шёнен таг!¹ – почти не повышая голоса восклицает одна из них на моей стороне, обращаясь к приятельнице, стоящей на остановке напротив, и задорно машет ей ручкой.

– Не дождётесь... – вполголоса ворчу я и иду дальше.

3. Жертва азота

– И вообще ты латентный гомик! – выкрикивает мне в трубку в сильном подпитии Юлечка, известная московская сценаристка. – Ты почему на мне тогда не женился?.. Мудак...

– А вот и не вообще, – отвечаю я с достоинством. – А вот и не латентный. А жениться я даже не собирался, тебе это спьяну приоблазнилось...

Она сопит в трубку.

– Насчёт мудака не возражаю: гениталии мне не безразличны... – но только как самоценный объект. В отрыве, так сказать, от целого.

– Гомик! Гомик! Долбоёб! – не желает сдаваться Юлечка.

– А вот и не гомик, ясно? – возражаю я.

– Нет, гомик...

– Заткнись уже...

Юлечкины сценарии получают дипломы на всяких киношных конкурсах... но вот фильмы по ним никто снимать не решается: Юлечка «пишет маткой», как сказал про неё один маститый критик, и это, вероятно, не очень по вкусу разным кинокомиссиям и худсоветам – или как там они теперь называются.

Народ в Москве вообще хамоватый, а у Юлечки, помимо пьянства, ещё и связь с инкубом, который кроет её ночами, во сне, многие долгие годы. Инкуба Юлечка подцепила в юности, когда дышала с другими подростками «веселящим газом» в какой-то сторожке при больнице, где хранились баллоны с закисью азота, оставшейся после наркоза при операциях.

– Да это же просто эн-два-о-два, – вспомнил я химию, когда она рассказала об этом впервые. – Откуда там возьмётся инкуб?..

– Ты не понимаешь... – не согласилась она. – Он дерёт меня каждую ночь. Ну... если я сплю одна.

...Все руки у Гудрун до плеч в шрамах – от укусов и копыт лошадей. Что-то она делает некошерное со своими подопечными – раз они так бесятся. Пара шрамов огромные, грубо сросшиеся – они от таких ран, которые следует шить, а не заматывать тряпочкой. Но шить на себе Гудрун ещё, вероятно, не научилась, а живёт она на ранчо и вправду совсем одна – вот и бьётся как рыба об лёд со своими профессиональными травмами.

¹ «Прекрасного дня».

Повседневное мужество у немцев в крови – наверное, это наследие ещё с кайзеровских времён, с прусской муштры. Юрген, мой давнишний немецкий знакомый, жильё которого внизу, во дворике, оно видно из окон кухни, однажды удачно купил приличную «бэху» из-под долго болевшего и наконец преставившегося старца, – тут Юргену посодействовал знакомый нотариус. Машина была с иголки, но шесть или семь лет отстояла у старика в гараже без движения, да и вообще ей было лет под двадцать, но зато сущий смех на спидометре – дед на ней практически не ездил.

И вот началось: у «бэхи» от старости стало ломаться буквально всё. Апогеем для Юргена стала ржавчина в бензобаке, которая набивалась куда не надо и мешала моему приятелю проехать зараз больше трёх-пяти километров, после чего бензопровод надо было продувать специально возимым в машине для этого велосипедным насосом с трубочкой.

Эти сражения со старой калошей я наблюдал у себя из окон не менее полугода. Нетевтонец уже давно бы сдался и продал машину на лом мусульманским посредникам... – но не ариец Юрген. Впрочем, наше мутное время и тут вносит свои неудобоприятные коррективы: чувствительность Юргена, например, к комариным укусам переходит все грани мыслимого, – а ведь он отслужил по контракту долгие девять лет радистом на Балтике, и не на круизном лайнере, а на военном «морском охотнике» – совсем небольшом кораблике, которому в шторм в открытом море, конечно, здорово достаётся. «Они погубят меня...» – ноет Юрген, слоняясь внизу по двору, и назойливо демонстрирует каждому встречному свои комариные волдыри. Или его, например, бесит, когда я летом к шортам и сандалиям надеваю свои обычные чёрные хлопчатобумажные носки.

– У вас в России, что... – выпрыгивает из себя Юрген, – не знают коротких носков для открытой обуви?! Ведь это же дико!!!

«Совсем плохо дело...» – думаю я и сочувственно улыбаюсь: это и вправду непросто – объяснить наивному немцу понятие «похер»... «Тебе очень к лицу этот имидж бомжа», – заметила по поводу носков москвичка Люська, – но от её снобизма я, собственно, ничего другого и не ожидал.

А к бытовому мужеству нам и самим, в общем, не привыкать – на то у нас есть родная глубинка: Челябинск, Пермь... Тамбов, наконец. Да и от обеих столиц стоит отъехать едва ли полсотни вёрст, и глубинка уже начинается... Галюня, славная подруга, служила анестезиологом в питерской областной детской больнице, прямо напротив легендарных «Крестов», и какое-то время регулярно вылетала по «скорой», то есть на вертолёте, на тяжёлые случаи в область: то подростку оттяпало ногу на лесопилке, то младенцу откусил по плечо руку дворový пес – ну и всё прочее, что ещё обычно происходит в деревне.

Домой Галя приезжала выжатая, а иногда даже звонила и просила жалобно забрать её из больницы, поскольку опасалась в транспорте просто сползти без сил на пол. Потом мы по-приятельски полночи пили, как с голодного края, в промежутках вступали в связь, а потом Галя сутки спала: дежурства у неё были раз через три, и сразу двадцать четыре часа, что, конечно, на пользу тяжёлым больным – динамику заболевания врач может наблюдать целые сутки, чем-то таким их по ходу дела подлечивать и потом передавать пациента сменщику уже почти здоровым.

Это, собственно, к теме «шить», если вышло непонятно. У Гали всех до одного шили, всем доливали крови из консервов – в общем, в питерской областной был порядок, не то что на ферме у местной Гудрун...

Последние пару месяцев перед моим отъездом к тевтонам мы с Галей жили вместе – я нанимал небольшую квартиру в конце Кировской ветки, и Галя отлёживалась там после своих «суток», встречая меня салатиками и дочиста вымытым телом.

– Ааалик... – ныла она, тащась позади меня, когда мы в утро её смены двигались гуськом сквозь тьму и пронизывающий морозный ветер по заметённой за ночь снегом тропке к стоящей на охраняемой стоянке машине. – Алик, подожди... я не успеваю...

– Необязательно всем подходить к машине одновременно... – с утренним могильным юмором отвечал я, что и вправду имело некоторый смысл: за ночь то примерзали к проёмам двери, то от холода подсаживался аккумулятор и надо было ждать кого-нибудь из соседей-автовладельцев, чтоб перекинуть от него стартовый кабель – во всех этих случаях Галя была скорее обузой, чем подспорьем, она отчаянно мёрзла на ветру в своём модном пальтишке, стучала зубами и с запотевшими на морозе очками имела такой жалкий вид, что настроение портилось окончательно. Потом, в сорок с небольшим хвостиком, она умерла прямо на ночном дежурстве – брякнулась в коридоре на пол с обширным инфарктом, и её уже не спасли, несмотря на все их реанимационные навороты, эти брилляторы и дефибрилляторы. Вот что значит холестерин...